

K 1505042

ac

Алморзак

В.М.Л.

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

27

**Вологда
2003**

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ	3
Н. Груздева, Г. Констанская и др.	3
В МИРЕ РУБЦОВА	10
Воспоминания	10
Свиридов о Рубцове	12
Ст. Кунаев	13
ИЗБРАННОЕ	14
Николай Бушнев	14
Виталий Серков, наш лауреат	15
КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА	17
Юрий Архипов (окончание)	17
Алексею Ганину 110 лет	19
Анатолий Канев	20
Николай Фокин	23
Буклеты «Звезда полей»	25
Книжная полка	26
КОРОТКАЯ ПРОЗА	27
А. Сидоренко	27
П. Усанов	28
А. Дубинин	29
И. Эпанасев, афоризмы	30
Анекдоты про писателей	31
АВТОГРАФ	34
В. Белков. Из моего собрания	34
ГРАФИКА	36
Гамара Нуйя	36
Из книг В. Гамаюновой	38

Юрий МАКСИН

* * *

Ко мне прижалось одиночество вчера.
Я не прогнал его и понял, что — навек.
В моем жилище будет вечно виться снег,
леги на угли неостывшего костра.

О, этот снег и эти угли, и в углу
нето вуаль, нето раскинутая сеть.
Не знаю, сколько ей, пылясь, теперь
висеть,
но знаю точно, что не подниму метлу.

Со мной осталось одиночество.
Оно сухим дождем отерло мокрое лицо.
И опрокинуло в сирень мое крыльцо,
и занавесило акацией окно.

Скучает лампа на неприбранном столе.
Она другого одиночества — маяк.
Я что-то долго не зажгу ее никак.
Но мотыльки уже кружатся на стекле...

* * *

Ты стояшь, как мадонна, на кромке веков.
Кто писал тебя, помнишь?

И Джотто, и Кранах.

И колыхнется ветром кисейный покров
на твоих и Спасителя будущих ранах.

Ты такая святая, Эпоха не та!
Впрочем, было ли проще тогда, в Иудее.
Помнишь, как убежала, спасая Христа,
в темноту, в неизвестность,
на Бога надеясь?

Ну а после? Стократ повторенный сюжет.
Слезы матери. Сына предсмертные муки.
и Евангельский — трепшному миру ответ.
Сын воскрес, чтобы взять этот мир
на поруки.

Ты такая святая. Во чреве твоём
зреет жизнь, и лицо озаряет улыбка.
Счастье есть. Мы, к нему прикасаясь, живём.
Но звучит наша жизнь,
как печальная скрипка.

Владимир СОКОЛОВ

* * *

В молчашей скрипке
Музыка жива.
Пускай давно
Её недвижны струны.
Но вьётся где-то рядом
Голос юный,
Как под ветрами
Майская трава,
И помнится ей
Свет былых октав.
Когда был близок
Трепет чудных пальцев.
Когда мотив цыганский
Нежный пальчик
Из недр её
По нотке добывал..

Давно уснул смычок.
Легко дыла,
А скрипке музыки
Всё было мало.
Она безмолвно

Рядышком лежала.
Но пела и жила
Её душа...

г. Харовск

Олег ГОЛЕНКОВ

ТЫ И Я

Когда ветер злой
И кругом бело,
Ты побудь со мной ---
Мне с тобой тепло.
Чуть прижмись щекой
Ты к щеке моей,
И моей рукой
Ты свою согрей.

Устюжна

Светлана МАНУЙЛОВА

***

Китайночка моя,
Сладкое сердечко.
Посиди со мной еще
На моем крылечке.
Расскажи свою беду.
Я тебя утешу.
Боль руками отведу,
Сказочкой потешу.
Отчего ж так грустно мне?
Скажешь мне в ответ:
«Милая, в твоём саду
Мандаринов нет...»

Нина ГРУЗДЕВА

***

Я — вся из звуков, вся из хлеба
Как та высокая сосна.
Я головой касаюсь неба,
Корнями в землю проросла.
Протягиваю в вечность руки
Сначала слышимы едва.
Оттуда неземные звуки
В земные вяжутся слова.
А мне светло и одиноко.
Через меня струятся вниз
На Землю солнечные токи.
Земные — в небо поднялись.

Джон ЛЕБЕДЕВ

***

Я весел, я лесной
из края лесного.
На речку на Пельшму
шагаю я снова!
Под небом, под солнцем
сквозь синий осинник,
по тропке, каких ещё
сотни в России!
Меня не забыли
и ждали в разлуке
кувшинок и лилий
русалочки руки.
Лишь вечер над речкой
туманы расстелет,
как ржавые сосны,
скрипят коростели.
Когда ж запоют

комары свои гимны,
коестёр запыляет,
лохматый и дымный.
И звезды над лесом
склоняются низко.
Смотрю и не знаю,
где звезды, где искры?

Галина КОНСТАНСКАЯ

***

Непутевая, непутевая —
Мне подруги так говорят.
Непутевая, непутевая...
Это только на первый взгляд.

Непутевая... Да, случается:
Что-то снова не получается
И не склеивается опять...
Но пойми: я натура цельная,
в чем-то сильная, в чем-то дельная,
если жизнью меня прижать.

Но над жизнью торчит часовенка
непутевой скалой в тайге.
Как изюминка, непутевинка
в удобном праздничном пироге.

***

«Я — лист, Всего лишь желтый лист...»

А. Пошехонов

Ты — лист. Всего лишь желтый лист,
вчера упавший мне в ладони...
Вдруг стало тяжело и больно:
а кто же я? Осенний свист?
Цветок, расцветший после срока,
или белорудая сорока.

что кличет с северо-востока
зимы протяжной времена?
Твоя позиция ясна:
ты — лист, летящий против ветра,
а я надломленная ветка.
Но тем же, чем ты, больна!

г. Череповец

Александр ПОШЕХОНОВ

***

За овином, за овином,
По ершистому жнивью
Ходит Осень в платье длинном.
Душу мучает мою.

Вышла девка на болота —
Не румяна, не дурна.
Листвяная позолота
В косу девки вплетена.

Не моя ли это доля
Запоздалая?
Как знать!
Ходит Осень в чистом поле —
Ни влюбиться, ни прогнать.

Надежда СЕЛИВЕРСТОВА

***

Тебя по свету ветер носит,
Меняешь лила и дома.
Не только в мире —
В сердце осень.
И приближается зима...

г. Никольск

Татьяна ЛАВТАКОВА

***

А. Лавтакову

Африканская страстность,
Неизбывная нежность,
Постоянство, надежность,
И судьбы неизбежность —
Все вместилось в порыве,
В буйном ветре кудрявом,
Обжигающем, знойном.
Ты в букете гвоздик —
Ароматном и ярком,
Ты в поэме экстаза,
Ты в песне чарующих грез
Вечный путник — дорожник,
Созидатель, строитель,
Души своей крылья
Раскинул до звезд.

Николай КАРПОВ

***

Ну скажите, разве это жизнь?
Мы ведь не живем, а вымираем.
«Демократы» по Руси прошлись,
Словно Гитлер об руку с Мамаем!..

02.05.96

***

Нет ни зрелищ, ни хлеба
В нарастающей мле
Оловянное небо
Плотно давит к земле

Может пугает опасность
Где угодно скосить.
Нам оставили «гласность»,
Чтоб могли годосить. .

Альфред ХОХРЯКОВ

Леса готовятся к зиме
И дружно сбрасывают листья
На землю влажную. И мне
От скверны хочется очистить
Свой дух. Подумать не спеша
О долге, о друзьях, о личном...
Погода, право, хороша.
Хочу быть также гармоничным.
Кругом чарующий покой,
Ни пенья птиц, ни ветра вздохов.
Закат пронзительный такой...
Но почему же стало плохо?

Валерий СУДАКОВ

АЛЕКСАНДРУ ЯШИНУ

Вот и деревня Блудново.
Вот и Бобринный Угор.
В стенах родимого крова
Яшин живет до сих пор
Старому дому под крышей
Думы доверю свои.
Голос по эта услышу
В тишине зрелой хвои.
Здесь, вдалеке от столицы
С морем холодных огней,
Воздух родимой землицы
Делает барда сильней.
Утром сойдет он с крылечка,
Боям кинит вековым.
Спустится с удочкой к речке, —

Сладок Отечества дым.
Как по волшебному зову.
Я за поэтом ступлю.
Горстью воды родниковой
Жажду свою утолю...
И полюбуюсь, как снова
Клином пройдут журавли.
Гайна поэта слова —
Клад этой доброй земли.

Владислав ШОШИН

*Вологодские просторы стали школой жизни
для Петра I. Царь не раз приезжал в Тотьму,
знакомился там с работами на соляных
варницах, сам вытаскивал бадьи с рассолом.*

Вологодский мой предок был парень
не промах.
В славной Тотьме копил свое небо не зря.
Никогда не бывал парень в царских
хоромах.
А узреть удостоился все же царя.

Городок небольшой, близко все и знакомо.
Поутру — в деревянную церковь Ильи.
На работу — на варницу, к вечеру — дома.
Все знакомые в Тотьме, все в доску свои.

Только кто там бадью тащит споро
с рассолом?
Словно труд отбирает привычный из рук.
Тащит соль, но с таким выраженьем
веселым.
Словно сладкую радость почувствовал
вдруг!

— Это царь! — говорят. Кровь в нем
бурно бродила.
Не сиделось на троне, оставлен был трон...
«Это в новую эру Россия входила
С небывалым царем — с вологодским
Петром!»

С.-Петербург

Юрий ХУХЛОВИЧ

НЕДОТРОГА

Поверь, мне надо так немного.
Лишь только нежности и ласки.
Моя родная недотрога.
Пусть станут ярче жизни краски.
Хочу любить и быть любимым
И чтобы счастья полной чашей.
И чтоб оно не стало мнимым.
А было только настоящим
Ты не гони меня под вечер.
Считай, часы остановились.
И так хотелось, чтоб навечно.
И стрелки больше не крутились.
Пусть за окном косые тени.
Моя родная недотрога.
Приляг тихонько на колени
И помолчим давай немного.
На сердце сразу станет легче.
Мне чувство это так знакомо.
Но надвигающийся вечер
Из твоего прогонит дома.
Так обними меня покрепче.
Моя родная недотрога.
И прошепчи: «До скорой встречи».
Поверь, мне надо так немного...

Юрий АТЛАНОВ

***

Невольню вздрогнул подорожник.
Качнулся ивовый побег.
И рухнул замертво острожник.
Что на «авось» рванул в побег.
Какой конвой не терпит шуток?
Поди, спроси у мертвеца...
Годна кровавых незабудок
Струдились около лица
А он лежал недвижно, глядя
Как реет сокол вдалеке...

И было выко того «Надя»
На обескровленной руке

(из книги «Волчьих ягод») —

Валентин ШАГИНОВ

В БЕЛЫХ СНЕГАХ

В белых снегах,
Словно в саване скорбном,
Призрачным шеем
Вся запорошена,
Как в наказание
В бессилии злобном,
Русь распростертая
Северу брошена.

Белые церкви,
Как белые свечи,
Робкой надеждою
Кое-где светятся.
Белые скатерти,
Белые печи
В избах усталому путнику
Встретятся.

Русь хребтосольная,
В холоде мгиетом
Ты сохранила
Свою доброту,
Верую праведной,
Помыслом чистым
Миру явила
Свою красоту.

На небе звездном
Туманностью млечной
Ты обозначила
Избранный путь. —
Призраком счастья
В безмолвии вечном,

В белых снегах
Суждено нам уснуть.

Галина ШВЕЦОВА

ПОРТРЕТ

Твои усталые глаза
На незаконченном портрете
И красный цвет в полночном свете —
Души измученной гроза.

Но кисть смахнет усталость с глаз,
Покончит с красною тоскою
Обнимет голубым покоем
Надежды, окрылившей нас.

Как Вседержитель, я сильна
И властную в своей стихии.
Мне покоряются лихие
Века и Смуты времена.
О эта музыка для глаз!
Я покоряюсь ей, как чуду.
Творя без устали повсюду
Любовь, утраченную в нас.

Вот краска заново легла —
И долгожданная победа.
Ах, если б только кистью этой
Тебя живого обрела!

Вячеслав ВАХРОМЕЕВ

***

Как письма жгут, которых не прочли,
Так я с тобой прощаюсь каждый вечер
Две крутых тени ходят возле свечек,
Да чуть трещат порою фидили.
И ночь, и день — всё для тебя вдали.

От водки мне не делается легче:
Разлука горше и гораздо крепче.
Хоть душу, словно пощадь, запали.
Гоня её по кругу кратких встреч,
По памяти волос, и глаз, и плеч,
И по словам, летящим наугад.
И знаю точно — следующим днем,
Когда с душой мы у свечей замрём,
Всё вновь начнётся — в нал или не в нал.

Ирина ГОРШКОВА

ЛЕТНЯЯ ПОРА

Лазоревая летняя пора:
Там обласпиховый гуманный вечер
Одной звездой грусти и добра
Тебя от равнодушия излечит.

Там доно перламутровой реки
Твою слезу приемлет, как родную.
Там приголубит лист нежной руки.
Там ветры по-особенному дуют.

Там всюду разливается тепло.
Там расцветают пряные улыбки.
Там облака медовый мягкий слой
Немного горький и немного липкий.

Там грациозна каждая ветла.
Там коронован тополь лунным светом.
Там незабудкой клумба расцвела.
Там всё живёт и дышит юным летом.

Александр ДУДКИН

* * *

Неуверенный и робкий
Вновь подумает поэту
О намышленной веревке

В 35 неполных лет.
И бродяга на вокзале
Без пристанища, без даи
О последнем ритуале
Ночью будет помышлять...
Много или очень мало
Хочет Бог от нас иметь —
До конца и от начала
Жизнь свою перетерпеть?

Кадуйский р-н

Галина ФИНКЕЛЬ

* * *

Пришел, читал стихи, сидел.
И на меня он не глядел.
А я мечтала в тишине,
Когда уснут все, при луне.
А я-то думала о нем
И вечером, и ясным днем.
А он проходит стороной.
Не говорит совсем со мной.

Кадников-Пенза

Лидия АНТЫШЕВА

НЕЖНОСТЬ

Скажи мне, что такое нежность?
Не тот ли розовый рассвет.
Не тот ли маленький подснежник,
Что пробивается на свет?
Не та ли веточка березы,
Что укрывает в жаркий зной?
А капелька на дивной розе,
Умытой утренней росой?

г. Череповец

В мире Рубцова

РОЗЫ НА СНЕГУ

*« Я умру в крещенские морозы,
Я умру, когда трещат березы... »*

Незадолго до смерти поэт точно предсказал ее.

В морозную крещенскую ночь, 19 января 1971 года Николай Рубцов во время тяжелой ссоры был убит женщиной, которую собирался назвать женой. Ему только что исполнилось тридцать пять.

ЛЕТО 1971 года... Вот уже несколько месяцев нет в живых Рубцова.

Вологодское кладбище. Хожу среди могил. Они густо заросли травой и полевыми цветами. Заглядываю в глаза фотографий тех, кого никогда не знала и прошу об одном: «Господи, прими Николая Михайловича, великого, искреннего человека. Упокой его мятежную душу».

Это было 25 лет тому назад.

Посетить могилу Николая Рубцова пригласили меня Алексей Сергеевич Богачев и его жена Лилия Васильевна (А. С. Богачев — был другом Рубцова).

ВСПОМИНАЮТСЯ похороны. Дом художников. Почетный караул. Весь двор загроможден людьми. Когда гроб вынесли и поставили на машину с венками и дощатой пирамидкой, заиграла траурная музыка. Длинная процессия, веренища автобусов, легковых машин.

На предпоследней улице окраины Вологды гроб с телом друга донесли до места на руках...

Я пишу эти строки потому, что знала Рубцова лично. В Вологде на ул. Яшина в доме № 3 в четвергом подъезде на пятом этаже в угловой однокомнатной квартире под номером 66 жил Рубцов. Напротив — мои родственники. И мне в те далекие годы приходилось часто бывать там.

Часто приходилось видеть Рубцова. Запомнилось, как легко и стремительно сбегал он с лестницы, прыгая через ступеньку. Он всегда спешил. Шарф в крупную красную и синюю (квадратами) полоску вывернутому с белой мелкой весла был на нем. Рубцова за это прозвали «шарфиком».

Этажом ниже в 62 квартире жил Алексей Сергеевич Богачев — искусный умелец, мастер резьбы по дереву. Он делал замечательные вещи, превращая дерево в кружево. Рубцов часто бывал у него, ахал, восхищаясь тонкой работой умельца: «Да как ты так можешь, Сергеньч?!». А тот, в ответ: «А как ты такие стихички пишешь? Так и я — узоры потихоньку воркую. У каждого, брат, свое...».

Однажды я зашла к Алексею Сергеевичу, заказать шкатулку и увидела Рубцова. Он сидел на диване, не доставая ногами пола. Он щурил карие зоркие глаза, — они были веселыми (но чаще — грустными) и играл на гармошке, тихо, но задумчиво пел песню: «Голыня, голыня...».

Они дружили долго с Алексеем Сергеевичем. Рубцов шел сюда со своими бедами, печалью и радостью, спешил посоветоваться с Богачевым.

ЭТОЙ осенью, я снова побывала в доме (хотя мои родные уже живут в другом микрорайоне). Зашла к Богачевым.

Сергей Алексеевич был болен. На стене увидела большой портрет Рубцова. И я вспомнила, как здесь, на диване Рубцов играл на гармонике и пел «Тополя». Кажется, это было вчера...

Некоторые вещи, подаренные Рубцовым, свято хранит все годы Алексей Сергеевич.

— Прошло немало времени, — говорит Алексей Сергеевич, а люди не забывают!

Приезжают до сих пор, из разных городов России, даже из Германии, Франции, Америки, журналисты на квартиру к Богачевым.

Знают и любят Рубцова, хотят узнать о его жизни еще больше. Алексей Сергеевич гостеприимно всех принимает и рассказывает разные случаи из его жизни, эпизоды.

ЗНАЛА я и Людмилу Дербину (Грановскую). Работала она в то время в библиотеке им. Бабушкина. Была поэтессой. Печатались ее неплохие стихи под псевдонимом Долинина.

Не мне ее судить за иногда дерзкое поведение, но женщина была красивая, смелая и сильная. Лицо — чистый овал, широко раскрытые голубоватые глаза, чуть вздернутый носик. Ярко-рыжие огненные выюншиеся волосы рассыпались по плечам, высокая красивая грудь. Оченьшло ей платье ярко-зеленого цвета, декольте.

У Рубцова было много друзей. Собирались в его квартире Сергей Багров, Сергей Чухин, Василий Белов, Александр Романов, Виктор Коротаев и другие. Запомнился красивый, голубоглазый начинающий тогда поэт из Великого Устюга Валентин Суховский.

К Рубцову приезжали сокольчане Александр Николаевич Рачков, Феликс Маркович Марон, Александр Иванович Сушинов. Я их запомнила с тех времен! Бывали вологодские графики-художники Николай и Генриетта Бурмашины.

ОЧЕНЬ жаль, что в жизни Николая Рубцова было много запутанного и мрачного. Он испытал на своем веку немало тягот, обид и оскорблений. Но вот в чем чудо, в стихах это почти не ощущается, хотя и было у него сиротское детство, отрочество, скитальческая, бесприютная жизнь (почти до последних лет жизни у Николая Михайловича не было никакого пристанища). И потом суровая морская служба на Севере наложили свой отпечаток. Оттого и трудный, неуравновешенный характер, глубоко противоречивый. Он был то предельно кротким и застенчивым, похожим на нахохлившегося воробья, то пахранистым и суровым.

Но, главное, каким редкостным поэтическим даром наделен был этот небогато и небрежно одетый человек, с рано облысевшей головой и не блещущим красотой лицом!

НЕ ОШИБУСЬ, если сравню Рубцова с Есениным. Их судьбы схожи. Рубцов и Есенин, как родные братья (по поэзии и по натуре). Два великих поэта! Нашего Рубцова тоже знает весь мир. Его стихи печатаются на многих языках.

Он успел написать очень много прекрасных стихов о Родине, о природе, о любви, истории и жизни народа. Одиночество, страдание — всегда были с ним, поэтому общение с природой радовало его душу и давало новые силы для его творчества. Он умел удивляться и радоваться всему новому.

С какой красотой и любовью он воспел русскую, вологодскую природу, передал ее простоту, задумчивость.

А сколько несен на стихи Рубцова мы слышим по радио уже в музыкальном исполнении. И душа вместе с ним радуется и грустит.

ПОЭТУ исполнилось бы 60 3 января. Но четверть века его нет с нами. И только память о нем будет с нами всегда.

На доме, где жил Рубцов, появилась мемориальная плита с надписью «В этом доме жил великий русский писатель Н. М. Рубцов (1936—1971 годы)». Памятник Рубцову есть в Тотьме, будут — в родном Емецке и в Вологде. В честь его названы улицы. Создаются музеи. В рубцовские юбилейные дни проходят вечера, выставки.

Мне очень понравилась мемориальная выставка, которая была в Вологде в Воскресенском соборе — картинной галерее. Она называлась: «Пусть душа останется чистой». Как хорошо и трепетно постоять в задумчивости перед немногими сохранившимися личными вещами Н. М. Рубцова, которые помнят тепло его рук: гармонь-двухрядка, пишущая машинка, тельняшка. Книги Тютчева, Фета, скромный шерстяной шарфик. Редкие фотографии — семейные и с друзьями. Зачетка студента, диплом о высшем образовании. Письма...

Потрясло полотно «В минуты музыки — портрет поэта». На фоне красивой, извилистой реки Толошмы в Николе, поэт задумчиво смотрит в даль. В руках держит ветку спелой красной рябины. Осень. Стога свежего сена. На противоположном берегу мальчик привел красивого коня на водопой. Выше на холмах видны дома деревни. Картина принадлежит кисти художника Евгения Соколова.

Молодой художник Г. Осиев представил портрет Рубцова. Поэт как живой. Такое ощущение, что он вот-вот что-то скажет.

В Соколе, Кадникове тоже прошли вечера, посвященные юбилею Н. Рубцова.

И СНОВА, спустя 25 лет, удалось побывать на его могиле.

Вместо дощатой пирамидки (в 1973 г. был поставлен памятник) на мраморной плите — бронзовый барельеф, у подножия памятника выбитая из камня строка поэта «Россия, Рус! Храни себя, храни!...». И множество цветов: корзинки с огненно-красными розами. Эти розы рдели на январском снегу.

Г. Арефьева, 1996

СВИРИДОВ О РУБЦОВЕ

Мы знаем, как высоко ценили поэзию Рубцова выдающиеся композиторы Валерий Гаврилин, Вадим Салманов и другие. А недавно вышла книга великого русского композитора Георгия Свиридова «Музыка как судьба», многие страницы которой посвящены Николаю Рубцову.

Долгие годы любимыми поэтами Свиридова были Есенин и Блок, а затем он поместил в этот блистательный ряд и нашего поэта-земляка. Вот несколько примеров из книги Свиридова:

«Бывают слова изумительной красоты (например, Рубцов) — они сами музыка. Они нуждаются в музыке, либо для воплощения их в музыке нужен примитив, который донесет красоту этих слов».

«Николай Рубцов — тихий голос великого народа, потаенный, глубокий, скрытый»
«...Жизнь художника, музыканта или поэта по-прежнему весьма сложна, судьба его непредсказуема: например, судьба Есенина, М. Булгакова или Николая Рубцова, Клюева».

«Два типа художников: первый тип — А. Блок, С. Есенин, П. Рубцов, Мусоргский, Корсаков, Рахманинов — поэт национальные (народные). Они никому не служат, но выражают дух нации, дух народа, на него же опираясь. Второй тип художника — прислуга...»

«Поэзия Русская: до Рубцова, Передереева, Прасолова, Вл. Соколова, Куняева, Кострова, Ю. Кузнецова, Лапшина. Некая вялость, прибитость средой, всеми этими Ваньшенкиными...»

Надо сказать, что Свиридов в своем композиторском творчестве несколько раз обращался к стихам Рубцова. Например, он сочинил музыкальную поэму «Золотой сон (Из Николая Рубцова)». В одной из тетрадей композитор перечисляет свои творческие планы в таком порядке — Молитвы, Рубцов, Клюев, Блок, Пушкин.

Некоторые стихи Рубцова Георгий Свиридов называет в своей книге «Музыка как судьба» гениальными. А в заключение этих заметок хочу привести такой факт. На титульном листе книги стихотворений Рубцова рукой Свиридова написано: «Эту поэзию надо нам свято хранить! Могут сказать: Рубцов — не Пушкин, не Блок... Неважно! Какой он есть — он единственный. Другого — нет!»

Станисла КУНЯЕВ

ПАМЯТИ Н. РУБЦОВА И А. ПЕРЕДРЕЕВА

Мои друзья, вы вовремя ушли
От шипения, разрухи и позора.
Вы стали горстью материи земли.
Но унаследовали объятий мародера.

Я всех грешней. Есть наказание мне:
В своей стране живу, как иностранец.
Гляжу, как воцаряется в Кремле
Очередной законный самозванец.

Какая неожиданная грусть —
На склоне дней подценивать утраты
И понимать, как распинают Русь
Моих времен Иуды и Пилаты.

1991

ФАКТЫ И МНЕНИЯ

Живут в Москве удивительные женщины — М. А. Полстова и В. Д. Зигченко. Майя Андреевна создала в библиотеке замечательный музей Николая Рубцова. Валентина Дмитриевна подготовила и издала собрание великого Рубцова в трех томах. Я преклоняюсь перед духовным подвигом этих людей.

Вячеслав Бельков

Николай БУШЕНЕВ

***

По миру, как по миру, я пойду.
И бессребреник, и дитя. —
Вливаясь в бед его череду
За познание болью платя.

1991

***

Я плююсь в сутолоке ритменной,
чтобы вообразить в себя рисковость
и Элюара, и Уитмена,
и Белого, и Луговского.

Научишься тут вряд ли, сжульничав.
Внедряюсь в мира гвалт глубоко.
Встречаю на взвётренних улицах
я Маяковского и Блока.

Но я великих не преследую.
Ведь не они, а время гид мой.
И коль смогу, то вам поведаю
его, клюкочущего, ритмы.

***

Что ж я о себе да о себе?
О народа б горестной судьбе...
Что ж я всё о собственной душе?
Быть бы всей вселенной аггаше!
Что ж я о теперь да о теперь?
Распахнуть бы в будущее дверь...

Отвечаю. Потому, что я —
капля в океане бытия.

***

Надо читать, тома ворочать
Если не дни пронолёт, то ночи.
Надо читать взахлёб и с нагутой.
Знать книги недруга, книги друга.
Книг непрочитанные горы —
Как неизведанные просторы.
И нераскрытые фолианты —
Как нераскрывшиеся таланты...

СТИХОТЕРАПИЯ

Растет неделанного груз.
Я недотела, нытик, трус.
Последний неумеха.
Скучаю, силно, лежу, хандрю.
Иль несуетное творю.
Ведь мой Пегас — калека.

И спотыкнувшись он, и упрям,
Плется с горем пополам.
Мой росинант бескрылый.
Куда плетется? В никуда.
А с ним плетется ерунда...

Повинешь — отпустило...

***

Улизнуло за леса
Солнце огненной лисою.
И всюю — мечтой Ассолы —
Полыхают паруса.

Вот и сумерек сурьма
Всё крометней, всё плотнее.
Полночь — десног. Но под нею
Дня бушует кутерьма...

Из норы ползёт лиса.
Снова света, шума вволю.
И опять — мечтой Ассолы —
Полыхают паруса.

Ну и пусть круговорот,
Смена красок, настроения
И всегда природа — гений
Мрачный и наоборот

А вот ты, и он, и я...
Тоже движемся по кругу
Но сродни ль мы ей по духу?
Вывторяем, не творя...

***

Эти благодатные мгновения,
Когда жажда творить,
Ветер солнечный вдохновения
И крылатая прелесть.

И безоблачное сияние
Детки радостных глаз..
О божественное состояние,
Снизойди хоть на час!..

НАШ ЛАУРЕАТ — Виталий СЕРКОВ

Новым лауреатом нашего журнала стал поэт Виталий Серков. Он удостоен приза за последние стихотворения и статьи, в том числе опубликованные в журнале «Автограф».

Виталий Серков — автор нескольких книг, член Союза писателей России. Живет он сейчас в Сочи, но не порывает связей с родной Вологодской землей.

Поздравляем Виталия Геннадьевича и желаем новых творческих деяний в русской словесности.

Редакция

Виталий СЕРКОВ

АКРОСТИХИ

* * *

Какие в сентябре я видел звездопады!
А как томилась грудь неведеньем судьбы!
Божественный огонь смиряющей лампы
Едва ли мог судьбу поставить на дыбы.
Рябиновая гроздь, родных могил ограды,
Овины у реки, замшелость городьбы
Вошли в падел души, как брошенные зерна.
Уже и грусть взопла, но разве грусть зазорна?

* * *

Безмолвием томим, устав от перебранок,
Анастет и хорей оставив на «потом»,
Решил я убежать на волю спозаранок.
А с воли — в царство грез неведомым путем.
Кому я нужен здесь, измученный подранок.
Оболтанный тайком завистливым плутом?
«Вернешься ли назад? — пульсирует тревога.
Убога жизнь твоя, и та — в горсти у Бога...»

ИЗ ДЕТСТВА

Летели журавли на древние озера,
Курлыча о своей тревоге и тоске.
Апрель напоминал гуляку и позера,
Пытаясь удержать весну на водоске.
Ломали реки лед, не ведая позора,
И сыростью полян дышало все в леске.
Не веря в чудеса, шумя, мальчишек «найки»
Уже носили с мячом на рыжие лужайки.

Юрий АРХИПОВ

РОДНОЕ И ВСЕЛЕНСКОЕ — 2

(окончание)

По пора, кажется, пожалеть себя. И подумать, как нам жить, как освободиться от их железной улавки на шею. Как набраться христианского терпения и мужества — потому как ясно, что борьба предстоит долгая, во второй раз они, поддерживаемые всем миром, сели на шею нам еще крепче, чем тогда, в 1917-м.

Что для этого нужно? Прежде всего, понять, где и с чем мы оказались. И держаться подальше от всяких губительных иллюзий. Ну, вроде той, что под знаменем Ленина-Сталина нам было хорошо. Зло не становится добром оттого, что сменяется другим злом. И как нам, грешным, измерить его размеры? Каждый из нас орудет удочкой, сидя на берегу океана. Ясно лишь что, то зло было статично, а это динамично. А стало быть, требует большего напряжения сил, но оставляет и больше шансов.

Делать дело. Свое русское дело вопреки всему. Перестав фанфаронить: мол, слушай сюда, мы — Третий Рим и последний. Страну-то, о которой так можно было сказать, мы профукали. Дважды за один век. Так что время терпеливо и скромненько собирать силы. И по-новому вращать в мир со всем старым хорошим (сакральным), что нам от предков досталось. В частности, крепить отношения с тем же Западом, нести туда свое русское слово. Вопреки «им», внушающим ныне Западу, что русское слово теперь только у них, в их кашецево сундуке. Спокойно и уверенно указывать им и Западу истинное их место.

Знать и помнить, что без нашего, родного, вселенской может быть только тоска.

Проблем тут хватает. Вот ведь и та моя давняя статья в «И» не осталась в Германии незамеченной. И тоже побавила число моих новоприобретенных друзей. А те из них, чье чувство утвердилось неколебимо, до сих пор не устают остерегать, в Германии нужно тщательно взвешивать каждое слово, чтобы не дать повода к скороспелым обвинениям, а некоторых тем лучше вообще не касаться. Помня о том, что слово «национальное» звучит в Германии как «наци», а слово «еврей» можно употреблять только в одном единственном контексте — как фактор немецкой вины. Оно и правда — «ходить бывает сколько по камушкам иным», как писал классик, но и привычку сиднем сидеть весь век под корягой русские классики тоже не одобряли.

Впрочем, у наших взаимных трудностей, как известно, очень глубокие корни. С тех пор как Петр придвинул нас (кувшинным рылом, как некоторые полагают) к Европе, а Екатерина с Суворовым, а затем и Наполеон нас в нее вдвинули, мы (и они, конечно, и они!) не устаем на эти трудности жаловаться, их живописно расписывать, им удивляться, их проклинать. Одного только не делаем — не пытаемся их толком преодолеть. Что-то не припоминается ни одна инициатива в этом направлении. Одни заклинация. Вот уже два века русские все жалуются, что «в Европе холодно» (Мандельштам), а европейцы — что в России темно. И все пытаются свести к нехитрой схеме противостояния полнокровной интуиции и художничного рационализма. Причем в классическую пору у нас на этом сходились даже славянофилы с западниками. Герцен еще и похлеще бичевал Запад, чем Хомяков. Современные-то наследователи идей и вовсе упростили себе задачу — так называемые западники просто хотят, «чтобы все было как у них», даже не задумываясь, а возможно ли, а надо ли нам уж так прямо «все-все», да еще сразу, вынь да положь, а современные славянофилы и вовсе не прочь отгородиться от всего западного как от заразы, забывая, что в этой заразе умели находить святых и Пушкин, и Толстой, и Достоевский, и даже Розанов, которыми они почему-то кланяются.

Более ярче всего эти трудности обнажились, конечно, в пору первой послереволюционной эмиграции, когда почти весь цвет интеллигентной России в одно сентябрьское утро 1922 года был препро-

вожден в петроградский порт на корабль и насильно доставлен в Любек. Бердяев, Булгаков, Ильин, Франк, Лосский красноречиво поведали потом о трудностях нахождения общего языка с западными коллегами. Живописности еще и добавили сгоряча, но схема осталась прежней: трудно-де живой иррациональной мысли (то есть эссенцистическому легкомыслию — с западной точки зрения) рядом с мертвым научообразом.

Тут мы вплотную приблизились к собственным трудностям соприкосновения с немецкими коллегами, до каковых трудностей, одно спасибо, что дожили.

Вот значительный штрих. Как-то в Дармштадте, когда я там работал в архиве, моя хозяйка-немка, подавая мне утром почту, спросила: почему мне все пишут «профессор» или «доктор» на конвертах, а сам я никогда не прибавляю к фамилии эти титулы. Я сказал, что в России не принято прятаться за своим званием; выпячивать его у нас может только какой-нибудь шут, расписывающийся тем самым в своей неполноценности. Но ведь это звание честно заработано, возразила хозяйка.

Пришлось пошутить, что все заработанное не имеет в России цены, а ценится здесь только богатство, то есть дар Божий.

Кто же не почувствует, сколько в этой шутке правды.

Размышляя о наших отличиях, приходится признавать: история все-таки пресстраннейшая штука. Получилось вроде так, что коммунисты, держа нас под гжележанием колаком, тем самым как бы раззадоривали наше вольнодумие, прямо-таки холили нашу свободу. А разливанный либеральный иллюрианизм в Германии породил странное единообразие мыслей. И окрас у здешнего автоматического мышления по преимуществу сугубо девый. Впечатление таким образом такое, что здесь все добровольно твердят то, что нам насильно идалбливали. Как, например, директор музея и архива Гёйне в Дюссельдорфе, который на одной из конференций стал мне объяснять, какие великие заслуги имел его полонечный порт перед революционным движением, ссылаясь на труды моего же университетского профессора, над которым у нас на курсе кто только не потешался.

Вероятно, органический полифенизм заложен в нас и евразийностью нашей, и имперским устройством. А из немецкой, даже самой ветреной голове то и дело проглядывает колапс Михеля.

Та же не стыковка и в «метафизических» вопросах. Тут немцы не хуже нашего впади в крайность. Раз нацистская идеология основывалась отчасти на иррационалистических концепциях, то долой всякий иррационализм. Прямо как-то неудобно бывает в Германии отставать — от наседающих немцев! — традиции Беме, Шеллинга, Касснера, Хайдеггера, не говоря уже про Юнгера или Шмидта. Всякое приближение к иррациональному, тайному или вовсе вере — здесь «средневековое», «мракобесие», «позавчерашний день». Поразительна эта, конечно, конъюнктурным мышлением рожденная уверенность в том, что целые традиции мысли могут быть навсегда «преодолены», что все новое, оснащенное новой методологией, неизмеримо значительнее «устаревшего». (Помните: «Плюпер выше Канга...»). То есть мы живем только во времени, а не в вечности. Это связано, разумеется, и с более чем прохладным отношением к религии, к христианству (Фрейд или Маркс или, особенно, Деррида и Фуко куда больше говорят сердцу современного немецкого интеллектуала, чем любые светочи христианской мысли).

Еще одно проявление европоцентризма — выбор литературных имен, «обязательных» с точки зрения местных издателей для знакомства с культурными достижениями современной России. Имена эти русскому критику даже несприлично брать в рот, да они и так навязли у всех в зубах: литературная, как и всякая другая, мафия свое дело знает туго. Ну да, они похожи на то, что местный культурный психоз выдает за «новое» слово в литературе, как похожи друг на друга все нынешние — совершенно безликие, поистине клонированные — авангардисты. Но неужели неинтересно узнать и другое (традиционная и есть теперь другая литература)? Хотя бы то, что ведущие русские критики (опросите хоть сто человек) считают наиболее ценным в России? Не интересно... «Старо-е!»

Но есть, есть и благодатные признаки. И даже не просто несеякающего несмотря ни на что интереса к России в элитарно-культурных слоях, но и какого-то явного «обрусения». Это у нас утверждается культ хищной наживы, а там все больше нарастает тяга к мудрому воздержанию, бескорыстие, самоотверженной помощи и «сеоборности» прямо-таки бывлой русской выделки. Как не вспомнить тут

выдающихся профессоров-славистов — Вольфганга Казака из Кельна, Петера Гиргена из Бамберга, Лудольфа Мюллера и Рольфа-Дитера Клюге из Тюбингена, Вольфа Шмидта из Гамбурга и особенно Рольфа-Дитриха Кайля из Бонна, президента Немецкого общества Пушкина, автора лучшего на сегодня перевода «Евгения Онегина» на немецкий.

Судьба явно балует меня немецкими друзьями, встречами с теми, кто искренен в своих глубоких симпатиях к России и русской культуре. Увенчанный лаврами писатель Мартин Вальзер готов часами говорить со мной о России. Не меньшая литературная знаменитость Вальтер Йене с гордостью сообщает мне, что берет — на восьмом десятке! — уроки русского, чтобы в оригинале читать любимцев Президента общества «Запад-Восток» Норт Боде не устает по всей Германии устраивать «русские вечера» да снаряжать экскурсии по Волге и нашим северным озерам. А католический пастер Грегор из живописнейшей переквуски на Боденском озере, который чуть не подлая за монастырским вином толковал мне о том, что истинно только православное христианство. А мой друг президент общества Гете Вернер Келлер, львиную долю своего кошта уделяющий помощи русским. А другой мой друг, германист Фриш Хакерт из Тюбингена, что устроил, выходя на пенсию как положено в 65 лет, грандиозный банкет на сто персон, пригласив на него и всех до единого русских студентов...

Есть, есть у нас перспективы. Даже в политике или, если угодно, в геополитике. Вот в связи с Ираком проклюнувшийся мост Москва-Берлин-Париж, не обещает ли он создание в будущем деятельного культурного союза, способного противостоять надвигающемуся бескультурью?

Хочется все же верить, что сбудутся пророчества (например, Серафима Саровского), и Россия не только сама исполнит расцвет, но и послужит всепенскому делу. Православная, национально мыслящая молодежь, заполняющая по воскресным дням наши храмы, крепостью веры своей питает такую надежду. Пусть ее пока не так много, но она пассионарна. И, что заметно, обретает крепкий фундамент. Никаким ящиком не сбить с толку тех, кто как дважды два объяснит вам разницу между Флоренским и Фиоровским. И твердо знает, кто из них и в чем был прав. И твердо помнит, чье дело призван продолжать. И зачем явился на этот свет.

Как сказала мне моя двадцатипятилетняя дочь: «Чтобы умереть за Христа и Россию».

«ЛГ»

«К ТЕБЕ ПРИШЕЛ Я, КРАЙ РОДИМЫЙ...»

В августе мы отмечаем 110-летие со дня рождения Алексея Ганина, вологодского поэта, современника и друга великого Сергея Есенина.

Напомню, что Алексей Ганин родился в деревне Коншино Кадниковского уезда. Пыне это Сокольский район нашей области. А убит поэт был во времена «красного террора» в Москве. Его обвинили тогда в «фашизме», сфабриковали дело. Грустно и страшно все это. Сопляюсь хотя бы на мнение А. Солженицына, высказанное по сходному поводу: «А ныне всякое проявление русского национального сознания — резко осуждается и поспешно прижмается к «фашизму», которого в России и не было никогда, и который вообще невозможен...»

Замечу, кстати, что энциграфом творчества и юбилея Ганина часто выбирают его строки: «К тебе пришел я, край родимый, чтоб полюбить, прощая всех...» Поэзия Ганина — это поэзия любви, а не ненависти. А первые «Ганинские чтения» в наше время прошли в Соколе в августе 1989 года. Инициаторами их стали тогда писатель Александр Грязев, поэт Валерий Мурин и автор этих строк. Пас поддержал тогда поэт Александр Швецов и Сокольский отдел культуры.

Потом о Ганине стали больше говорить и писать. Вышла книга стихов и прозы поэта, появились другие публикации. Этому много способствовали родные сестры поэта — Мария и Елена. С Марией Алексеевной, жившей в Северодвинске, я начал переписываться примерно в 1988 году. Когда она умерла, переписка продолжилась с младшей сестрой Еленой Алексеевной, она приехала к нам на

чтения. Затем Елена Алексеевна переехала из Архангельска в Вологду и скончалась уже здесь. Я частенько навещал ее, это была очень добрая, красивая, интеллигентная женщина. Часто любила вспоминать, как еще девочкой сидела на коленях у Есенина. Она передала мне свою автобиографию, заметки о брате, часть фотографий и свое собрание коншинских частушек. Сестры поэта подсказали нам тогда два вологодских адреса, где некоторое время жил А. Ганин — дом Ломкина на ул. Урицкого, 70 и квартира в доме Мазалева на ул. Мира, 16. Внизу был магазин «Мясо, колбасы».

В 1993 году в Соколе и селе Архангельском широко отмечаюсь 100-летие со дня рождения Ганина. Было много гостей, в том числе из Москвы. На месте деревни Коншино был открыт памятный камень. И вот новый юбилей, новый праздник на сокольской земле. Своего поэта земляки не забывают.

Вячеслав Белков

Анатолий КАНЕВ

ЗАПИСКИ ИЗ ДОРОЖНОГО ДНЕВНИКА

28 сентября 1995 года, четверг

Стучат колеса вагонные. Идет второй день моей поездки в Москву на Международный научный симпозиум, посвященный 100-летию со дня рождения Сергея Есенина.

Читающий эти строки возможно задумается: почему какого-то учителя русского языка и литературы, не лучшего ученища в городе, пригласили на международный симпозиум? Не ошибка ли? «Волшебным ключиком» для этой поездки стали многолетние литературные поиски о жизни и творчестве Сергея Есенина. В наше время трудно найти что-то новое, неизвестное, однако редкие фотографии Сергея Есенина, полученные в дар из города Иваново от старейшего фотографа Н. И. Невского, переписка с сыном поэта Константином и женой поэта Надеждой Давыдовной Вольпин позволили мне поближе познакомиться с учеными-литературоведами. Так с помощью друзей я получил официальное приглашение на симпозиум с правом выступления с докладом.

Под стук колес появились первые стихи:

*Я хотя и не поэт,
Но пишу в каком-то жаре,
Все пишу незримый след
От Есенина в Самаре...*

Интересно, почему так легко пишется в вагоне под стук колес...

Редкий гость столицы, я с большим трудом разыскал улицу Новарскую, дом №25а, где находится Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской Академии наук. Один из секретарей — А. Н. Захаров помог мне решить проблему с гостиницей (позднее я узнал, что иностранные гости бесплатно проживали и питались в гостинице «Россия»).

В этот же день я присутствовал на презентации академического полного издания сочинений Сергея Есенина в семи томах. Это итог длительной кропотливой работы отечественных и зарубежных исследователей творчества Сергея Есенина. Выступали директор ИМЛИ Ф. Ф. Кузнецов, ветераны нашей литературы Сергей Михалков, Сергей Копечкин, писатели, зарубежные гости.

Позднее я был на торжественном вечере в зале имени Чайковского. Перел началом увидел и взял автограф у внучки поэта — Марины Константиновны Есениной.

29 сентября, пятница. Работа симпозиума.

Еще до начала симпозиума обратил внимание, как встречаются друзья-единомышленники, рукопожатия, объятия, радостные возгласы, обмен сувенирами, фотографиями и т. д. и т. п.

Я тоже стал разыскивать Валентину Евгеньевну Кузнецову из города Рослякова Мурманской области, с которой давно переписывался, но ни разу не встречался. Почему-то она казалась мне какой-то необыкновенной, а все оказалось проще. Невысокая, пожилая, худощавая женщина в красной кофте — она стала моим «добрым ангелом», оказавшим большую помощь в моих литературных поисках. И с благодарностью расцеловала ее за заботу обо мне и бесконечные «подарки» в письмах: фотографии и ценные сведения о жизни Сергея Есенина.

Здесь же я встретил земляка из Самары — Вадима Сергеевича Баранова, инженера с завода имени Масленникова. Он является автором книги «В селе под Рязанью» о детстве Сергея Есенина.

В фойе была распродажа новых книг. Цены высокие. Например, книга-альбом о жизни Есенина стоила 140 тысяч рублей. Несколько пачек этих книг были раскуплены за 20 минут. Я мог только позавидовать другим: за такую сумму я работаю половину месяца.

Купил книгу из серии ЖЗЛ «Сергей Есенин», автор — Stanislas Kuniav, издательство — «Молодая гвардия», 1995 год. По моей просьбе автор написал на книге: «Анатолию Ивановичу Каневу и всем друзьям и читателям Есенина в Самаре от автора. Ст. Куняев» (соавтором этой книги является также и сын Куняева — Сергей).

На симпозиум я познакомился с китайским профессором Пекинского университета Ван Шоужэнем — переводчиком стихотворений Есенина на китайский язык.

Получил визитку и договорился о переписке с переводчицей из Японии Тиз Ооги с острова Хаккайдо и ученым Гордоном Маквеем из Англии (город Бретон) и другими.

Встретился с Николаем Федосеевым из далекого поселка Кыра Пермской области, он собрал 892 книги о творчестве Сергея Есенина, составил картотеку всего, что уже напечатано о поэте; собрал более 200 эскизов и более 35 значков. Поисками занимается более 40 лет.

Выступления докладчиков продолжались не более 20 минут. Запомнилось выступление Ю. Л. Прокушева на тему «Прозрения гения Есенина в XXI веке» (докладчик является главным редактором полного собрания сочинений Сергея Есенина).

30 сентября, суббота.

Согласно плану симпозиума состоялась поездка в г. Рязань и на родину С. Есенина — в Константиново. Это мероприятие было организовано, в первую очередь, для иностранных гостей и наших именитых ученых.

Днем был в книжных магазинах, дошел по Тверской улице до памятника А. С. Пушкина. В Тверском переулке смотрел, как шли последние приготовления для установки памятника Есенину.

На купленной книге Анатолия Панфилова «Есенин без тайн» получила такой автограф: «Анатолию Ивановичу Каневу от Анатолия Васильевича Климошкина — архитектора и автора памятника Есенину в Москве». Выше этих слов расписался скульптор, народный художник России, профессор Бичуров. А вечером я сочинял новое стихотворение.

Заговорила роща золотая

Понятиям, современным языком

Судьба Есенина такая.

Что от обиды в горле ком.

1 октября, воскресенье. Секционные заседания.

Для докладов по интересам было создано 4 секции.

1 секция — «Есенин академический. Проблемы издания и творчества».

2 секция — «Есенин и русская литература XX века».

3 секция — «Проблемы библиографии творческого наследия Есенина».

4 секция — «Народное Исениноведение. Поиски ведет «Разумина».

Последняя секция была самой крупной, в нее входил и я. Мой доклад назывался «Сергей Есенин — всегда молодой и красивый. Поиски и находки литературного кружка «Волжанин». Свой доклад я закончил стихотворением, посвященным Сергею Есенину. Оценкой стихов были дружные аплодисменты всего зала (Больше авторских стихов никто не читал).

Земляк Вадим Баранов выступил с докладом на тему «Новые адреса Сергея Есенина в Москве» — результаты его многочисленных поисков.

Интересными были выступления В. В. Пилипенко из г. Тулы на тему «Сергей Есенин и литературная Тула 20-х годов», В. И. Синельникова из г. Липецка — «Из опыта работы общественного музея С. А. Есенина».

В обсуждении докладов принимали участие и зарубежные гости из Китая, Японии, Америки и т. д. 2 октября, понедельник.

В 11 часов утра на Тверском бульваре состоялось открытие памятника Сергею Есенину. На торжественное открытие пропускали только по приглашительному билету, который у меня, к счастью, был.

Собрались тысячи москвичей, желающих подойти поближе к памятнику, но ребята из ОМОНа были неумолимы.

Изваяние поэта было установлено на пьедестале из гранита, добытого на Кольском полуострове. В облике молодого поэта — задумчивость и светлая печаль. Он стоит во весь рост, облокотившись на ствол дерева.

Открыл митинг мэр города Москвы Лужков, он поздравил москвичей и гостей с открытием долгожданного памятника.

Москва была связана со всеми великими писателями и поэтами страны. И открытие памятника здесь — это признание таланта великого поэта земли русской — Сергея Есенина. Поэзия Есенина вечна и незабываема, как Россия.

Проникновенно говорили: министр культуры Евгений Сидоров, автор книг о Есенине Юрий Прокушев и другие.

На открытие памятника пришел лауреат Нобелевской премии писатель Александр Солженицын. Его сразу же окружили кино- и фотокорреспонденты разных газет. Мне стоило больших трудов подойти к нему ближе и сообщить, что я привез ему из Самары фотографии из училища, а также стихотворение «Солженицын выбрал нас». Александр Исаевич сообщил мне адрес своего представительства в Москве, где я и побывал в тот же день, передавая ему свой материал.

Вечером я был в Колонном зале Дома Советов, где состоялся спектакль, посвященный 100-летию Сергея Есенина «Люблю до радости и боли».

Выступали киноартист Джигурда, певец Соловьяненко, балерина Пилискакая и другие. 3 октября, вторник.

Последний день симпозиума был особенно насыщен мероприятиями. Утром состоялась экскурсия по есенинским местам Москвы с посещением музея. Первый московский адрес Сергея Есенина — Большой Строченовский переулок. 24. Есенин впервые приехал сюда в 1911 году и поселился у отца, в Замоскворечье. Отец его, Александр Никитович долгие годы работал приказником в мясной лавке купца Н. В. Крылова. Здесь Есенин прожил почти восемь лет, до 1918 года. Позднее он напишет: «Лучше всего, что я видел в этом мире, это все-таки Москва» (1922 год).

В 13 часов участников симпозиума привезли на Ваганьково для возложения венков на могилу Есенина. Я видел горы цветов, бесконечные толпы людей, которые шли и шли в этот юбилейный день к памятнику любимого поэта.

В 15 часов состоялось заключительное заседание симпозиума, где было сообщено, что за прошедшие дни было сделано более 80 докладов гостями из 20 городов нашей страны и более 10 зарубежных стран.

Вечером побывал на есенинской выставке в Государственном литературном музее по адресу Трубниковский переулок, 17.

Эту выставку невозможно было осмотреть за отведенный час, требовалось длительное время, так как здесь находилось много подлинных фотографий, редких документов и даже личных вещей поэта.

В этот же вечер купил билет на поезд. Билет дали на поезд № 86 Москва — Ташкент. 74 года тому назад Сергей Есенин направлялся таким же поездом Москва — Ташкент в гости к самарскому поэту Александру Ширяевцу.

Сгучат колеса вагонные. Скоро появится Самара. Это значит заканчивается моя поездка.

КРЫЛАТЫЕ СТРОКИ НИКОЛАЯ ФОКИНА

Вологодскому поэту Николаю Фокину в этом году исполнилось бы 50 лет. Но он ушел от нас в 1995 году.

А родился Николай Васильевич Фокин в деревне Котельниково, ныне это село Можайское Вологодского района. Жизнь поносила Николая по свету, и по нашим местам. В последние годы он жил в Нюксенице. Печатался поэт в газетах и журналах, в коллективных сборниках. Успел выпустить при жизни единственную книжку — «Посошок» (1993). Был принят в Союз писателей России.

У Николая Фокина был большой лирический дар, невероятная открытость. Это редкость в поэзии, в стихотворстве. Кроме того, перечитывая его посмертную книгу «Стихотворения и поэмы», любовно изданную земляками, я заметил, что многие строки Н. Фокина могут стать крылатыми. Настолько они емки, афористичны, легко запоминаются. Например, вот эти:

*Вступаю в лес, и ужас бытия
Считаю с сердца раненого разом...
Спасибо тебе, Господи, за чудо,
За это слово ласковое — лес.*

Это сказано по-своему, и обратите внимание на тончайшую звуковую организацию стиха — «слово ласковое лес»! Без этого не бывает поэзии... Или еще строчки! «Заливаем души, чем попало. Пьяных душ — не трогает беда...», «Я много думал этой ночью о древней родине моей...», «Душа болела от добра...», «Я пришел не иметь. Я пришел, чтобы быть...», «Укради, судьба, удачу. Только песню не бери...», «Меня учить не надо, как родину любить...» и многие другие. Здесь живет гармония. Но надо заметить, что истоком поэтического творчества Н. Фокина было, видимо, страдание, тяжелая судьба. Об этом — пронзительное стихотворение «Возвращение», которое мы здесь публикуем.

Вячеслав Белков

ФАКТЫ И МНЕНИЕ:

*«Отмена смертной казни — демонстрация равнодушия к жертвам преступлений.»
«ДГ»*

ВОЗВРАЩЕНИЕ

*Я не могу тот город серый
Теперь без дрожи вспоминать.
Где от работы непомерной
Сошла в могилу рано мать.
В трупобойной сырости барака.
В своей квартире-конуре
Мы жили хуже, чем собаки
В январский холод на дворе.
Не оттого ли запивался
Дурною брагою барак.
И долго, долго не кончался
В нем расхопившийся бардак.
Я до сих пор при слове «опичим»
Весь напрягаюсь, как струна
Его побойные ночи*

*Не вынес бы и Сатана
И я, скрываясь у соседей.
Мечтал, что, может, повезет
На праздник бабушка придет.
Меня в деревню увезет.
И та, приехав, увозила..
Потом забрала навсегда.
Тот день отъезда хлопотливый
Я не забуду никогда.
И как в начальной сельской школе
Меня привели с теплом.
И я не думал уже боле.
«Как завтра день переживем».*

1988

«ПОЭЗИЯ ДОЛЖНА БЫТЬ ДОБРОЙ!»

В одной из книг В. Белкова я прочитал об «особенном взгляде» Рубцова на женскую поэзию. «Ему мало что нравилось в ней», — пишет Вячеслав. А известную поэтессу Ц. он называл «ведьмой». Так ли это? Ответ на этот вопрос я нашел у самой Ц. «Состояние творчества есть состояние наваждения, — пишет, например, она в статье «Искусство при свете совести», — ... Что-то, кто-то в тебя вселяется, твоя рука исполнитель — не тебя, а того...»

И еще. По мнению Ц., искусство — «третье царство со своими законами, из которого мы так редко спасаемся в вышнее (и как часто — в низшее!). Третье царство: первое от земли небо, вторая земля. Между небом духа и адом рода искусство чистилище, из которого никто не хочет в рай».

«Когда я при виде священника, монаха, даже сестры милосердия — неизменно — недолимо! — опускаю глаза, я знаю, почему я их опускаю, — продолжает Ц. далее — Мой стыд при виде священника, монаха, даже сестры милосердия, мой стыд — вещь.

— Вы делаете божеское дело.

— Если мои вещи отрешают, просвещают, очищают — да, если обольщают — нет, и лучше бы мне камень повесили на шею.

А как часто в одной и той же ВЕНЦИ, на одной и той же странице, в одной и той же строке и отрешают и обольщают. То же сомнительное пойло, что в котле колдуньи Ц. с ведьмы — А. И : чего только ни навалено и ни наварено!»

В отличие от Ц. Н. Рубцов, несмотря на все драматические перипетии творческой судьбы, стремился, несомненно, в высшее «небо духа», к свету, к Богу. Поэтому он утверждал, что «...поэзия должна быть доброй» своей жизни и любви и любви.

«ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ» ЖДЕТ ВАС

Москвичи Андрей и Марина Кошелевы любят путешествовать по Вологодскому краю, и всегда с фотоаппаратом. Так у них возник проект — сделать серию красивых буклетов, посвященных историческим местам нашей земли. Есть на карте их путешествий и Сокол, и Тотма, потому что многие маршруты связаны с рекой Сухоней и стихами Николая Рубцова.

Первые буклеты уже вышли. И самый первый посвящен знаменитому вологодскому Готемскому району. Буклет уже поступил в продажу и произвел большое впечатление — благодаря прекрасным фотографиям А. Кошелева получилась красивая фотосюжет на стихи Рубцова. В центре замысла — стихотворение «Тихая моя родина». А вся серия буклетов так и называется «Звезда полей».

Вообще Николай Рубцов давно стал знаковой фигурой для нашего края. Его поэзией и жизнью интересуются почти все туристы, приезжающие на Вологодчину. Кошелевы просто влюблены в стихи великого поэта.

Остается добавить, что буклетами серии «Звезда полей» уже заинтересовались многие туристические фирмы. Ведь авторы проекта не обошли вниманием и такие красивые древние города и веси, как Кириллов, Ферапонтово, Белозерск...

В. С.

У НАДЕЖДЫ ШИЛОВОЙ ЮБИЛЕЙ!

30 августа Надежде Борисовне Шиловой исполняется 50 лет! Она опытный сотрудник Областной детской библиотеки, давний друг и член редколлегии нашего журнала «Август». И давно пишет стихи. Наверное, еще со школьных времен. В этом случае на филфаке нашего пединститута ее знали как талантливую поэтессу и будущую журналистку.

Горячо поздравляем Надежду нашу с днем рождения и желаем ей и ее творческим успехам и побольше радостей в этой непростой жизни!

Редакция

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Владлен Сироткин «Кто обворовал Россию?», М., «Алгоритм», 2003. Автор — известный российский историк и публицист.

Э. Лимонов «Дневник неудачника» (на русск. и англ. языках), М., изд-во Литинститута им. Горького, 2002.

Василий Мишнев «Нолынь на реке», стихи, Вологда, 2003. Известный вологодский поэт, живущий в г. Никольске. Издание подготовлено Вологодской писат. организацией.

Вячеслав Бедков «Судьба на пороге», стихи и хайку, Вологда, 2003. Второе издание стихотворной книги писателя.

Михаил Субботин «На крыльях памяти», Вологда, 2003. Воспоминания, в том числе о Рубцове. Художник В. Едемский.

Светлана Мануйлова «Дар богов», Вологда, 2003. Тираж — 200 экз. Нечто вроде повести и стихи. Автор — художница. Послесловие — Михаила Коньева.

А. Романов «Последнее счастье» (поэзия, проза, думы), Вологда, 2003. Составители А. А. Романова и С. А. Романов. Эту книгу А. А. Романов готовил еще при жизни.

Юрий Агланов «Волчья ягода», стихи, Вологда, 2003. У автора трудная судьба. Стихи сильные, интересные.

А. Кошелев, М. Кошелева «Никольское», буклет-фотоальбом на стихи Рубцова. Авторы — москвичи. Первый из серии буклетов, которые готовятся к печати. 2003 год.

Дмитрий Ермаков «Путь чая», проза, Вологда, 2003. Книга серии «Вологда. 21 век». Тираж 999 экз.

Василий Оботуров «Заложники», о крестьянской трилогии Василия Белова, Вологда, 2003. Книга известного критика.

ФАКТЫ И МНЕНИЯ:

В сущности, если попытаться объяснить постмодернизм по Фрейд, то именно импотенция, неспособность сказать что-то в традиции и служит глубинным бессознательным мотивом той мести большой литературе, которая движет его авторами. Пушкин, Толстой, Достоевский — это труды, которые разлагаются и умирают, их нужно поскорее похоронить, объясняют они. Они пытаются изнасиловать литературу. Так поступает страдающий от импотенции маньяк-насильник, мучающий женщину и получающий несказанное наслаждение. Еще пример из области психоанализа. У психоаналитиков, работающих с подростками переходного возраста, страдающих различными комплексами и отклонениями, есть такой диагноз, как «попытка вернуться в детство». Не случайно постмодернистские тексты так похожи на школьные пародии «Бегство в детство» на бессознательном уровне означает страх перед взрослением. Взрослением, которое делает неуместным ребячество. Наши классики постмодернизма, отмечающие свои юбилеи, — это состарившиеся «вечные малышки», которые малышками и останутся

С Г

Александр СИДОРЕНКО

БОЛЬНО

Надька сломала ногу. Не сама — помогли. После уроков она спускалась по лестнице, спускалась, никого не трогала — и вдруг с третьего этажа раздался грохот дверей и радостный рев (это 6-А опустили раньше с урока). Рев тугим, гулким комком летел по лестнице, приближался, и Надька даже представила его себе: он был похож на Петьку Кривцова после урока физкультуры: рот до ушей, все 32 зуба наружу, глаза безумно-радостные с беспующимися чертиками в зрачках, рожа красная-красная, вот-вот лопнет.

Рев догнал ее и полетел мимо и сквозь. Надька схватилась за перила, но не успела: в спину ее вихнуло что-то тупое и тугиное и кинуло через восемь ступенек вниз... Было больно, очень больно, и вдруг перед Надькой мелькнула картинка из прошлого: она, маленькая, стоит на тротуаре и смотрит, как на мостовой бьется и воет только что сбитая машинной собака. Надька завывала. Нет — не заплакала — завывала, как выла та пеина, пока была жива: живоотно утробно, протого. Поток шестиклассников, который весело тек через Надьку, как через досадный камушек на пути, вдруг оборвался и замер. И в этой вдруг разразившейся тишине снова вытянулся и повис в воздухе вой животной, тупой, безысходной боли: «У-у-у-у...».

— Эй, что с тобой? — кто-то из ребят неуверенно и брезгливо качнул Надьку за плечо.

— У-у-у-у...

Она подняла глаза, и ей стало стыдно: вокруг плотным кольцом сгрудились люди. Они с интересом рассматривали ее все вместе откуда-то сверху, а она, как собачонка, лежала внизу под ними с неестественно подвернутыми ногами, задравшимся платьем и пыльными пятнами на кофточке. Надька снова вспомнила ту собачонку, которую так же обступили прохожие, Надька с ними. А собака еще пыталась поднять голову и о чем-то просила глазами, выдавливая из себя последние, самые страшные звуки.

А теперь сама Надька лежала на полу, и смотрели уже на нее. А она не хотела этого — пусть, уйдут, пусть уйдут, только не надо вот так — сверху. Сверху смотрят те, которым повезло. Сверху — обидно.

Кто-то уверенно раздвинул кольцо ребят, и Надька увидела перед собой физрука Пал Палыча. Он нагнулся, отчето его свисток легонько шлепнул ее по носу.

— Жива? А ну-ка... — он тронул ее подвернутую ногу — Надька вскрикнула и очутилась только в «скорой» «Собака жива?!»

— Что ты, милая, какая собака? Не было никакой собаки. — над ней склонилась женщина в белом. Ты лежи, не шевелись — перелом у тебя. Все будет хорошо, ты только лежи.

... Она сидела у окна. Рядом с ней стояли больные облезлые костыли, взятые напрокат в больнице. На улице шел дождь, шел наискосок, отчето окно и то, что за ним, казалось зачеркнутым, неправильным, как в тетради с ошибками.

В доме напротив на балконе под навесом висела шкура рыси — там жил охотник. Надька знала это, потому что балкон редко пустовал, то медведь свесит свою большую голову и

мохнатые лапы и сушится на солнышке, то лиса с лисятами, то ондатровая семейка чуть колыхнется на ветру, шевеля пустыми лапками. Теперь вот рысь. «А где-то, что в них было?» И Надька представила, что это она висит вот так же, свесив голову и руки, пустая внутри, сушится. А потом ее бросят на пол и будут ходить по ней, будут радоваться и гордиться.

Дверь пискнула, в щелочке появился глаз. Он наблюдал за Надькой, а точнее — изучал ее. Вот дверь пропихнула дальше, и вошел Ленка — четырехлетний воячонок-детсадовец — ее сводный брат. В руке у него была дедушкина палочка. Он крадучись и с опаской подошел к сестре, радостно ухмыляясь.

— Что тебе? — спросила она.

— Надь-ка... а Надька? А тебе боно?

— Да — больно. — она в который раз посмотрела на свою ногу, которая была больной, белой, каменной и совершенно чужой, как будто ее прикрепили к Надьке.

— Слышь, а где у тебя нога переломалась? А?

— Да вот тут, — она бережно положила ладошку на то самое место.

— Тут... Слышь, Надька, а ты мне вчера по попе больно дала. — протянул Ленка.

— Что?

— Вот тебе, вот тебе. — он взмахнул палочкой и дважды опустил туда, где только что лежал Надькина ладошка. — Не догонишь, не догонишь!

Ленка радостно запрыгал на месте и победно завизжал.

У Надьки брызнули из глаз желтые искры, и все поплыло. Она встряхнула головой, сжала зубы, прогоняя боль, и схватилась за костыли: догнать! догнать! Но костыли выскользнули у нее из рук и упали прямо перед ней. Они лежали рядом, всего в полуметре от Надьки, но взять их было — никак. Она поднялась на одной ноге, выставя другую, чужую вперед, допрыгала до кровати и рухнула на спину.

Надька плакала. На спине плакать было неудобно: слезы набирались в ямочки глаз и стекали на подушку медленными холодными струйками. Но Надька так и лежала: глаза в потолок, лицо в слезах. А в голове стучало: «Не догонишь! Не догонишь!».

И на миг мелькнули перед ней большие, прощальные, высветленные болью глаза собаки

г. Череповец

Николай УСАНОВ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Жил-был бомж Колька. Нашел две книжки на помойке. В первой, как нашли труп. То был великий боярин. Убит толстым копьем. Такое лишь у советника царя. Стали родичи боярина план мести советнику вынашивать. Но один из них шибко умный был, местный Шерлок Холмс, нет, Эркюль Пуаро. Сказал, что советник религиозный и не может никого убить. Спорят. Решили проверить. Стали издали следить за советником. Раз тот шел с царем. Навстречу другой великий боярин. Взял царь у советника копье и убил боярина.

Прочитал бомжик книжку. Слышит, пылашка гнет юношу в сарайку. Тот внутрь не идет: «Такая у моего друга, у недоноски. 14 рублей украла! Не теперешних, а «горбатых»

(союзных) — те были раз в сто ценнее нынешних!» Видя, что никак не затащить юношу в сарай, пытанка там разделась донага. Юноша — к ней. Тут с дров слезли муж цыганки и женщина с прозвищами Птица Счастья и Цыганка. Трое, выражаясь народным языком, «обратали» парня. Применяя другое народное выражение — наварили ему уха. На третьем народном выражении — поступили с парнем, как повар с картошкой. На четвертом — «мя-якнули» (с ударением на я). Я не применю, как непародное, выражение «вырубил, как мамонта». Убили. Деньги «вышерушили» (ударение на ы) — выняли.

А бомжик издали видел. Цыган — за вином. А его лягавенькие — хват! Нет, еще не успел косой в редакцию сбегать». Хват — по другому делу. А цыган решил — по этому. Призвался. А бомжик тут шел, слышал. Понял Колька, что схватят лягавенькие цыганку и Цыганку. Помнит Колька, что 20 лет назад Птица Счастья пыталась сделать мужчину из него, из тряпки. Вызвал Колька своего знакомого, волшебника Горе Матери. Тот установил блок в памяти цыгана и его жены. Те забыли Птицу Счастья.

Читает бомжик следующую книжку. Там к Сергию (не Сергей, а «игумен земли Русския») пришел учеником сын кого-то из самых великих бояр. У Сергия устав суров. Очень кручинился (расстраивался) повенький, что кинул, пусть и слабенькие, по все ж житейские радости, ради здешних суровостей. А сердцеведен Сергий те мысли разумеет. Раз пришел и сказал, что зря расстраивается: ему досталась доля лучшая и в веке нынешнем и в будущем: ученика того все родичи от чумы умерли в городе.

Прячет бомжик книгу — люди к нему идут, бандиты. Им коммерсант не желал платить дань. Решили его запугать: на его глазах бомжика убивать. Кольку заставили в кузов залезть. Сами в кабину, едут. А в кузове брезент. Накинул его Колька на передние окна. Машина встала, бомжик бежать. Бандиты: «Не убегай!» Испугался Колька, убежать не смеет. Тут другой бандит на легковушке едет. Те кинули у пананый грузовик, пересели в легковую, заставили сесть и Кольку. Справа лошадь. Колька кричит: «Не сбейте лошадь!» Поздно: наехала, сбили! Лошадь была дьяволицей, унесла бандитов с машиной. Лишь Колька сидит в луже.

Александр ДУБИНИН

ЗВЕЗДНЫЕ МЫСЛИ

«Это уже не коррупция, это уже диктатура!

Нестабильность в мире — гарант нашей олигархии, ее оправдание. Можно и дальше издеваться над большинством народа и над здравым смыслом.

Лучше развиваться долго, но навсегда. Если быстро, то неизбежно в какой-то части себя.

За каждым подвигом прячется подлость — до жкоистное преступление. Мысль эту выговорила Тома, хотя я не уверен, что это ее мысль. Настоязко у нас в России мысль эта актуальна, что не грех напомнить ее заново.

Совершить собственное злодейство характера не хватает, но всегда готов быть соучастником.

Наша жизнь, как помойка в ясную погоду!..

Поэзия это прививка от рабства.

А по кюветам все косточки русские.

Мы-то за Америку, а вот за нас ли Америка?

Гос. вертикаль власти, над созданием которой так бьется наш президент, управляет призраками, имитаторами — политики, экономики, культуры.

У нас очень романтическая Власть: в эпоху компьютеров дежит общество и государство по типу Екатерининских времен.

Сулы над Сорокиным и Лимоновым это формула страха номенклатуры перед обществом.

Легализуя проституцию, законодатели решают вопрос занятости населения.

Нашей демократии хватило только на то, чтобы вскрыть вековую болячку. Нынешний откат от свободы значит помимо прочего, что брюхо пора зашить как безнадежное, негодное для излечения и жизни.

Достоевский колебается не между верой и безверием, а между востоком и западом.

Кто сказал, что у нас не будет гражданского общества. Его предполагается создать из номенклатурных идиотов и их отпрысков.

Игорь ЭПАНАЕВ

АФОРИЗМЫ

Подлюдная водка.

Город труп.

Застала — в раз плох.

Автобус, наполненный до экстаза.

Зажевать заживо.

И медь иметь.

Огненная. Во! Да!

Наркопьян.

Пой, малыш.

Не прав, да?

Богатыри Невы.

Нет, часто ты.

24 май я.

Улица у лица.

А. Ген, ты.

Ну, кол, ты да еж.

Бандашала.

Аэродом.

Света, форд.

Голод уха.

Цвета каки.
Почет по четным!
Во сне я с нею.
Кружок «Шей сама»
Стойка на оленях.
Доже на живоме
Отпор дежебокам
Закон закончен.
Игорь Это янаев.
Жизнь в джинсах.
Готов ли голод к зиме.
У лани страх панический.
Город — ал.
Размечтается, одноразовый.
Пьет и не трезвеет.
Режим — рыжим!
Как в водку опущенный.
Пиво в панках.
Сюда ремонтный зовет
Раб баб.
Неудовлетворительная любовь.
День студента — студень.
Подносковые.
Баба его.
Хочу все!
Знать.
Сам Петербург.
Много Люд. по. .

АНЕКДОТЫ ПРО ПИСАТЕЛЕЙ

ГЕНИЙ

В общаге ленинститута встречались иногда два поэта — старшекурсник Николай Рубцов и Юрий Кузнецов. Однажды утром они встретились на кухне. Рубцов говорит:

— Молодой человек, а почему Вы со мной не здороваетесь? Кузнецов пожал плечами. И Рубцов изрек:

— Я гений, но я прост с людьми.

НА СОЛНЫШКЕ

Известный критик Л. рассказывал мне: «Иду я как-то по пляжу в Пицунде. Смотрю, провинциальный писатель В. на песочке загорает. Я ему и говорю

- Что же это, Вася! Народ там гибнет, а ты тут на солнышке пузо греешь!
— Ничего, не погибнет! — ответил Вася и перевернулся со спины на живот.

ГОНОРАР

Редактор местной литературной газеты в конце месяца расписывает авторские гонорары.

- Так... Сидоров... он пишет?
— Пишет, еще как!
— Вычеркиваем. Все равно пропьет.
— Теперь Петров... пишет?
— Никак нет.
— Так зачем ему деньги? Вычеркиваем...

ПОЛЕ БРАНИ

Писатели на досуге играют в шахматы. Белов сделал удачный ход, а Чухин неожиданно ответил матом!

СКАЧУТ СТАЯМИ

Один писатель на встрече с трудящимися решил прочесть стихи Есенина: «И алая стая на крыше Служит вечерню звезде...» Но ошибся и прочитал: «Заячья стая на крыше». Спыхватился, когда было уже поздно.

ДЕНЕЖКИ

- Звонок писателю П.:
— Это вы писали, что жидомасоны продали Россию?
— Да.
— А где я могу получить свою долю?

ЗНАЙ НАШИХ

- После встречи с читателями друзья спрашивают у писателя П.:
— Ну, как выступил, Миша?
— Хорошо, только вот один умник вопрос заковыристый задал!
— Ну, а ты?
— Я ему уклончивый ответ дал.
— Какой же?
— Да на фиг его постал.

ПОЭТ

В двадцатых годах Борис Пастернак и Игорь Северянин сидели в берлинской пивной. Игорь Васильевич держал в одной руке бутылку, а в другой — вилку, на которую была накинута огромная немецкая сосиска. И вдруг вдохновенно сказал Пастернаку:

— У меня есть сын! Его зовут Прямо Солнце!

В ДОРОГУ

Молодой вологодский писатель впервые собирается съездить к морю. Друзья ему говорят:

— Ты хоть чемодан купи в дорогу.

— Зачем?

— Положишь туда брюки, пиджак, белье...

— А в чем я тогда поеду?

ЗНАЙ МЕРУ

Как пьют писатели?

Одна бутылка — норма. Две бутылки — много. Три бутылки — мало.

ОТКРЫТИЕ

В своей новой книге Ст. Рассадин даже не упомянул некоторых выдающихся русских поэтов. Зато сделал крупное литературное «открытие» — впервые опубликовал, что настоящее отчество И. Бродского не «Александрович», а «Израилевич».

В НАРОД

Два писателя из города В. решили лучше узнать жизнь и пошли в народ. Целый день ходили они по деревням, по лесам и полям. Под вечер устали, замерзли и решили погреться у стога. Спички отыскали, и они долго с моли поджечь сено. Наконец, стог запылал. И вдруг писатели видят, что к ним мужики из деревни бегут. Один писатель и говорит другому: «Как поджигать, так никто не помо!» А как погреться, так все бегут!..»

ЗВЕЗДЫ

Рассказывал мне поэт Виктор Коротаев: «Сидели в Союзе писателей Ольга Фокина и Николай Рубцов. Фокина читала журнал «Звезда». Рубцов смотрел-смотрел, и выдал: «И звезда с звездою говорит!...»

*Собрал Вячеслав БЕЛКОВ
Вологда*

Автограф

ИЗ МОЕГО СОБРАНИЯ

Автографы интересны не только сами по себе. Они являются также историческими документами. Например, один из первых автографов моей коллекции говорит о том, что писатель Владимир Чивилихин в октябре 1972 года находился в Вологде, встречался с читателями. Надпись он оставил на книжке А. Яшина. Публицист и поэт Юрий Чехонадекский прислал мне свою поэтическую книжку из Москвы. Следующий автограф — конверт письма, которое Яшин отправил Николаю Рубцову в деревню. А последний автограф, показанный на этих страницах, принадлежит перу самого Рубцова. Поэт написал письмо своему литинститутскому наставнику Николаю Сидоренко. На конверте пометка Н. Сидоренко. (Два последних автографа — у меня в копиях).

Вячеслав Бетков

Вл. Чивилихин!
сердечно благодарю — это
поэта — Вологодская,
с книжкой у вас есть
о нем. 1972.
5 октября

Куда Сель. Никольское

Тотемского р-на
Вологодской области

Кому Николаю
Рубцову

Адрес отправителя от Липина А.И.
Москва В-17 Лавруш
пр. Д 17 кв 102

открыта
21-III-1965.

Член Советского Союза,
Удостоенный ордена
«Знак Почета» и т. д.
АЛЕКСЕЙ ШУМАЧОВ.

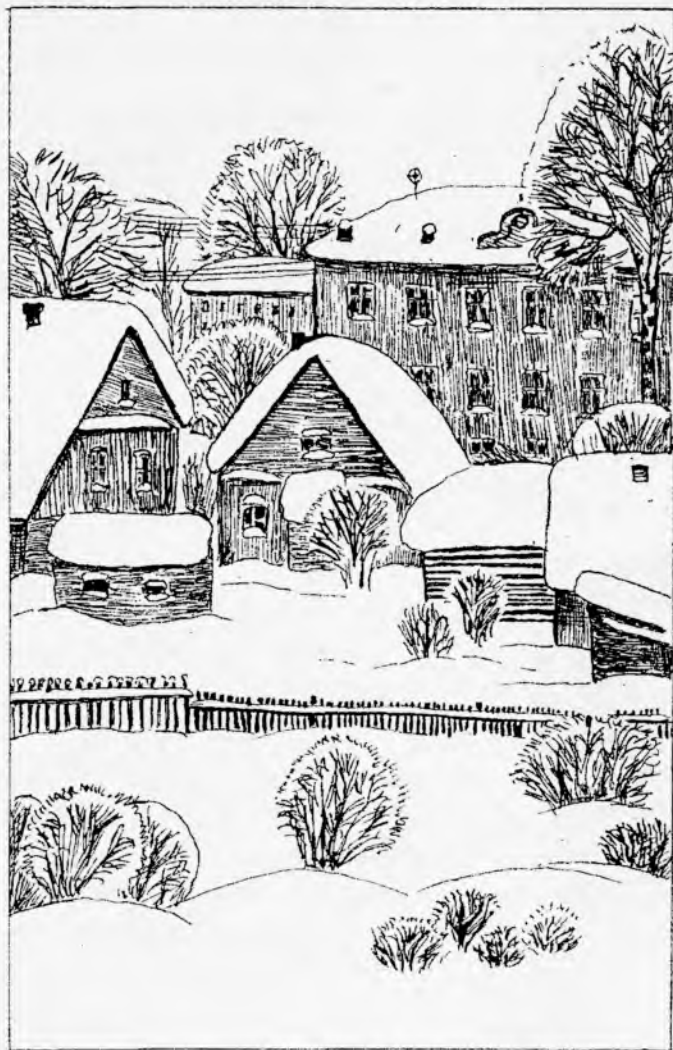
Куда г. Москва,
Ленинградский пр-т,
д. 15 кв. 51

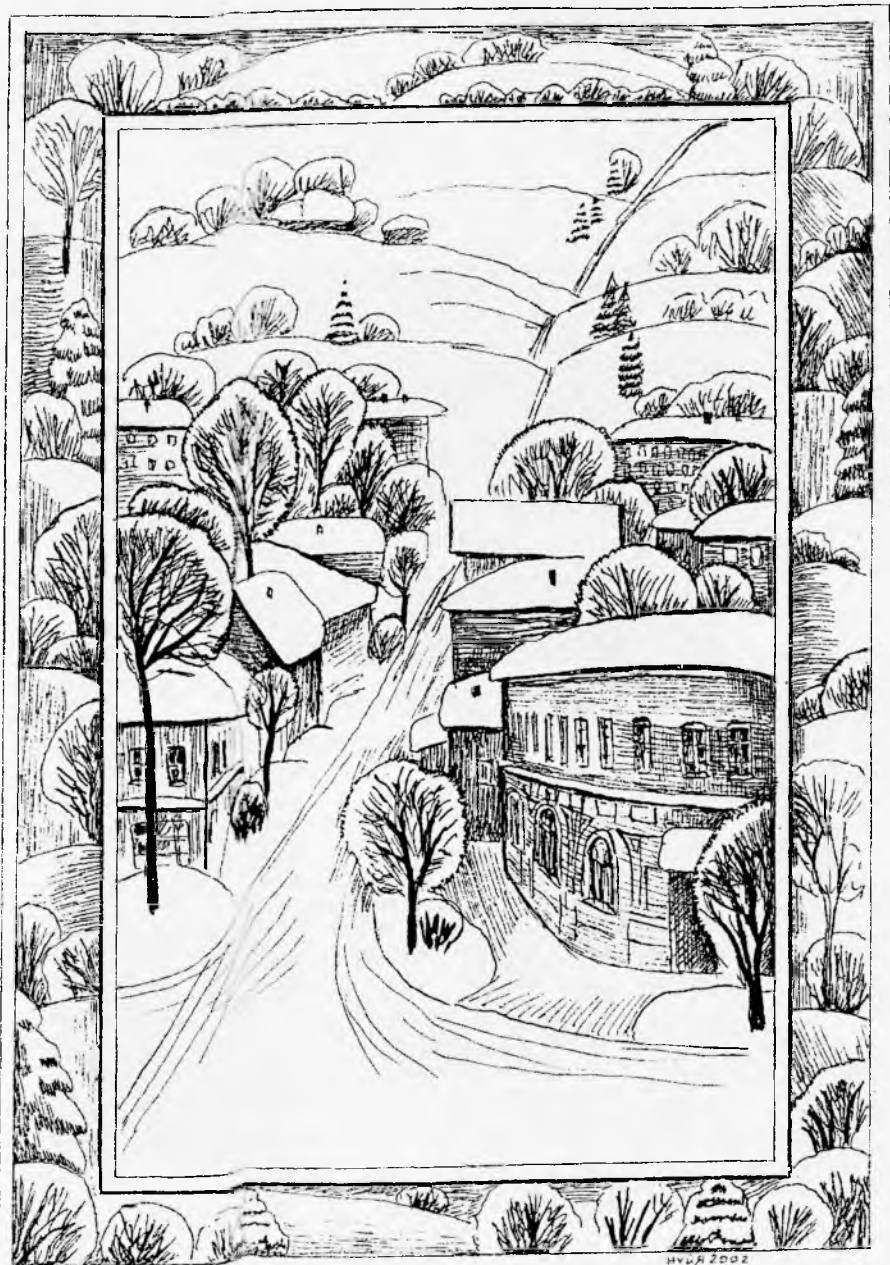
Кому Викторенко
Николаю Николаевичу

Адрес отправителя Волог. обл.,
Тотемский р-н,
с. Никола Рубцов

Тамара НУЙЯ

Талантливая художница Тамара Нуйя живет в Грязовце. Мы уже не раз показывали ее работы в журнале «Автограф».

ИЗ КНИГ В. ГАМАЮНОВОЙ

Валентина Григорьевна Гамаюнова живет в г. Артеме Приморского края. 30 лет собирает экслибрисы, пишет об искусстве. Для нее делали кн. знаки художники Е. Владимиров, Л. Распонов, Ф. Махонин и другие. Показываем несколько экслибрисов.

Книга

В.Г. ГАМАЮНОВОЙ

Люблю твою,
Россия, старину,
Твои леса,
погоды и молитвы
Н. Рубцов

До конца,
до тихого креста,
пусть душа
останется чистой...

EX LIBRIS

В.Г. ГАМАЮНОВОЙ

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

27

Обществ. совет: А. А. Грязев, В. С. Белков, Ю. Н. Малоземов,
Ю. М. Максим, А. А. Поппехонов, А. П. Смолин, М. А. Полетова,
М. А. Григорьев, Г. А. Давтакова, Н. Е. Бушенев, В. В. Попова,
О. Н. Кузнецова, Н. Б. Шилова

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции
Адрес для писем: Вологда, ул. Ленина, 2, Союз писателей, Вячеславу Белкову

Сдано в набор 14.05.03. Подл. в печать 16.06.03.
Заказ № 530

Вологда
2003